

К. С. Зайков, А. А. Сабуров

Советские исследования арктических островов и архипелагов в 1920-е — 1940-е гг.: особенности отбора, подготовки и мотивации персонала¹

Зайков Константин Сергеевич,
кандидат исторических наук, директор, Арктический центр стратегических исследований, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Сабуров Александр Алексеевич,
аспирант, ведущий эксперт, Арктический центр стратегических исследований, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Обращение к истории организации арктических исследований обусловлено ростом значения Арктического региона как в мировом, так и в российском масштабе. Научные исследования в Арктике сегодня играют важную роль в решении глобальных проблем (изменение климата, экологическая безопасность, сохранение биоразнообразия и др.) и национальных задач, стоящих перед Россией (обоснование границ континентального шельфа, обеспечение Северного морского пути, решение социально-экономических проблем развития Арктической зоны). Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.² закрепила развитие науки и технологий в качестве одного из приоритетных направлений политики нашей страны в регионе.

Существующие на данный момент ключевые проблемы региона — вопрос минимизации экологических рисков от промышленной деятельности в условиях изменения климата, проблемы разработки механизмов адаптации человека и арктических социумов к новым условиям, сохранение экосистем и разработка зеленых технологий промышленного освоения региона — требуют консолидации колоссальных интеллектуальных, технологических и кадровых ресурсов в национальном масштабе. Кроме того, специфика научной деятельности в Арктике определяется географической

удаленностью объектов исследования и экстремальными природно-климатическими условиями, включая низкие температуры воздуха, сильные ветры и наличие ледяного покрова на акватории арктических морей. Эти факторы и в прошлом, и в настоящее время формируют потребность в специальном кадровом обеспечении арктических исследований.

В этом отношении большой интерес представляет опыт РСФСР — СССР в 1920-е — 1940-е гг. В этот период научная деятельность по исследованию ранее слабо изученных островов Северного Ледовитого океана в нашей стране активно развивалась и успешно способствовала решению внутривнутриполитических и внешнеполитических задач. Во-первых, регулярные исследования способствовали закреплению Новой Земли и Земли Франца-Иосифа за СССР. Во-вторых, создание разветвленной сети метеорологических станций в Арктике позволило сформировать эффективную систему прогноза погоды для остальной части СССР, что было важно для проведения сельскохозяйственных работ и развития мореплавания. Расширению судоходства по Северному морскому пути способствовали масштабные гидрографические работы. Данные наблюдений широкой сети полярных станций использовались для системного изучения советского сектора Арктики.

20 лет советских арктических исследований позволили изучить гидрологический и ледовый режим арктических морей, разработать методику сезонных и месячных прогнозов для Арктики. Геологические работы на Шпицбергене были важны для освоения угольных месторождений на архипелаге. В ходе исследований внедрялись новые приборы и научные методы; широкое распространение получила ледовая авиаразведка, использование судов ледового класса.

Несмотря на сравнительно хорошую освещенность в отечественной историографии советских арктических исследований 1920-х — 1930-х гг., тема кадрового обеспечения научной деятельности СССР в Арктике фактически осталась не затронутой в исторической литературе. Отдельные аспекты отбора и подготовки участников научных экспедиций и полярных станций были рассмотрены в монографиях В. Н. Булатова³, В. С. Корякина⁴, А. М. Ермолаева и В. Д. Дибнера⁵.

Начало комплексных отечественных исследований Арктики, которые проводились при участии большого количества научных организаций, было положено в 1920-е гг. Именно в этот период создавались научные учреждения, специализировавшиеся на изучении региона. Первым из них стала в 1920 г. Северная научно-промысловая экспедиция (Севэкспедиция), в 1925 г. преобразованная в Институт по изучению Севера, а в 1930 г. — во Всесоюзный арктический институт (ВАИ). Сегодня это Арктический и антарктический научно-исследовательский институт, находящийся в ведомстве Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды.

Второй научной организацией по изучению Арктики стал Плавучий морской научный институт (Плавморнин), с 1930 г. — Государственный океанографический институт (ГОИН), с 1933 г. — Полярный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии им. Н. М. Книповича (ПИНРО).

Гидрографическое изучение Арктики проводила Северная гидрографическая экспедиция в составе военно-морского ведомства. Также научную деятельность осуществляли Полярная комиссия Академии наук, Российский гидрологический

институт (с 1926 г. — Государственный гидрологический институт), Главная физическая обсерватория (с 1929 г. — Главная геофизическая обсерватория) и Геологический комитет при ВСНХ СССР.

В силу отсутствия системы подготовки полярных исследователей в царской России отечественные арктические исследования в ранние годы существования СССР в начале 1920-х гг. характеризовались некачественной системой отбора участников экспедиций и персонала полярных станций. В экспедициях Плавучего морского научного института периодически участвовали «гастролеры», как называли ходивших только в один рейс в погоне за впечатлениями и экзотикой⁶. По воспоминаниям В. Васнецова, научные работники различных специальностей не имели опыта в организации и проведении морских исследований, не были знакомы с практикой обращения с различными приборами на море⁷.

Отлаженная система подготовки кадров для арктических исследований отсутствовала, однако уже в это время делались первые попытки ее создания. В 1920 г. при Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана были организованы специальные курсы для подготовки личного состава экспедиции, в рамках которых преподавались такие дисциплины, как морская опись, топография и черчение, метеорология и гидрология, биология и фотография⁸. В 1925 г. П. В. Виттенбург на географическом факультете Ленинградского государственного университета создал кафедру полярных стран, которая перестала действовать после его ареста и была восстановлена по инициативе Р. Л. Самойловича в 1934 г.⁹

Серьезные проблемы возникали при наборе кадров на полярную станцию Маточкин Шар. А. Н. Островский отмечал, что набор людей на станцию не велся должным образом. Многие участники попадали туда случайно, не понимая в полной мере цели своей работы. Начальник станции Д. Ф. Вербов до того, как возглавить Маточкин Шар, «был коммивояжером известной дореволюционной фирмы канцелярских принадлежностей “Отто Кирхнер и К^о”, а попросту говоря, торговал карандашами, перьями и тетрадками»¹⁰. Некоторые участники зимовки на Маточкином Шаре «видели в трудной северной службе возможность заработать себе хорошую репутацию, право на то, чтобы считаться полноправным гражданином молодой Советской республики»¹¹. В 1924 г., по воспоминаниям Э. Т. Кренкеля, у врача станции не было профильного образования. «Мы надеялись, что к его услугам нам прибегать не придется, и прозвали про себя помощником смерти». Он умер во время зимовки, вероятнее всего, от передозировки морфия¹².

Некачественные отбор и подготовка сотрудников, неприспособленность станции для зимовки в экстремальных климатических условиях привели к тому, что на Маточкином Шаре с 1923 по 1930 г. погибли четыре человека. Впоследствии в работе других полярных станций эти проблемы были учтены и практически не повторялись, а станция в бухте Тихой на Земле Франца-Иосифа стала образцовой полярной станцией.

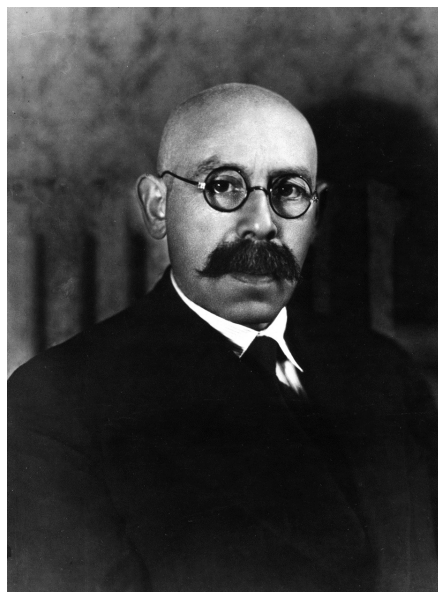
В этих условиях одним из ключевых факторов успеха первых советских научных экспедиций в Арктику стало наличие опытных исследователей во главе учреждений и экспедиций. Большинство из них много лет посвятили исследованию Арктики, осуществляя научную и организационную деятельность в сложный с финансовой точки зрения период 1920-х гг.

Ко времени окончания Гражданской войны Р. Л. Самойлович, выпускник Фрайбургской Королевской горной академии, начальник Севэкспедиции (затем — ВАИ) до 1938 г., был опытным геологом и имел опыт работы в Арктике на Шпицбергене вместе с В. А. Русановым. Важную роль в успешной деятельности Севэкспедиции, особенно на первоначальном этапе, сыграли его личные качества. Его ученик геолог М. М. Ермолаев вспоминал: «Удивительным было его умение сплачивать вокруг себя своих учеников-сотоварищей, удерживать их внимание на главной цели, причем эту цель и даже будничные работы опозитизировать, придать им какой-то высокий смысл и значение»¹³. В последующее десятилетие он вел активную исследовательскую экспедиционную деятельность в Северном Ледовитом океане, посетив едва ли не все его моря, острова и архипелаги.

В. Ю. Визе, выдающийся ученый, заместитель директора Арктического института, получивший хорошее образование в Германии, в 1912–1914 гг. участвовал в экспедиции Г. Я. Седова, проведя тяжелейшие зимовки на Новой Земле и Земле Франца-Иосифа. В 1929 и 1930 гг. он был одним из руководителей экспедиций по созданию полярных станций на Земле Франца-Иосифа и Северной Земле. До конца 1930-х гг. Визе участвовал во многих научных экспедициях в советской части Арктики. Его ледовые прогнозы стали служить основой научно-оперативного обслуживания мореплавания по Северному морскому пути¹⁴. В. Ю. Визе пользовался огромным авторитетом среди исследователей Арктики, которые отмечали не только его профессиональные, но и личные качества. И. Д. Папанин вспоминал: «Он всем делал добро. Просто его нельзя было не любить и не уважать — такой он был. Очень образованный, внимательный, преданный Северу»¹⁵.

Отто Юльевич Шмидт

Рудольф Лазаревич Самойлович

Большой опыт работы в северных морях до революции был у Н. Н. Матусевича, руководителя Северной гидрографической экспедиции с 1924 по 1931 г. К моменту создания Плавучего морского научного института его глава И. И. Месяцев уже долгое время занимался зоологическими исследованиями в Московском государственном университете, стажировался на Мурманской биологической станции.

Вокруг лидеров постепенно формировалась молодые коллективы, которые составили основу отечественной научной школы полярных исследований. Уже в возрасте 23–24 лет В. Васнецов, сын художника Аполлинария Васнецова, был начальником гидрологических работ на Плавморнине. В 1924 г. в возрасте 19 лет в первую экспедицию на Новую Землю отправился будущий начальник полярной станции в Русской Гавани, известный геолог М. М. Ермолаев. Э. Т. Кренкель, пионер использования коротковолновой связи в Арктике, попал на первую зимовку на Маточкином Шаре, когда ему исполнилось 20 лет. Б. Г. Чухновский, один из первых организаторов ледовой авиаразведки в Арктике, в 26 лет провел первые полеты над Новой Землей. На станции Маточкин Шар на Новой Земле получили свой первый опыт известные ученые: метеоролог М. А. Кузнецов, гидролог И. Т. Черниховский, геофизики М. Е. Острекин, П. К. Сенько, А. П. Никольский.

Во многих источниках отмечается, что без энтузиазма руководителей и научных сотрудников арктические исследования 1920-х гг. в СССР не могли иметь такого успеха. В отчете о постройке станции на Маточкином Шаре указано, что в течение шести с половиной недель шла работа «с продуктивностью, граничащей с пределом возможности»¹⁶. Р. Л. Самойлович писал о работах Севэкспедиции на Новой Земле в 1921 г.: «Работа на голодном пайке, в рваной обуви, и тем не менее научные работники с редким самоотвержением выполняли программу»¹⁷. Характерный пример скудного питания полярников приводит Р. Л. Самойлович: в одном из походов длительностью восемь дней в рамках экспедиции на Новой Земле на каждого человека приходилось всего 5 кг сушек, 1,5 кг сливочного масла, 0,4 кг сахара, 0,2 кг какао, 1,5 кг мясных консервов, 0,4 кг кофе, 0,8 кг сладкого молока. Причем у его участников даже не было с собой палаток¹⁸. В. Васнецов вспоминал, что во время работы над «Персеем», судном Плавморнина, «порой испытывали настоящую нужду, не только мы лично, но и все наше дело». Тем не менее, несмотря на скромные условия жизни, отношения внутри коллектива оставались хорошими¹⁹.

Для многих участников экспедиций и зимовок очевидно важную роль играла материальная мотивация. Э. Т. Кренкель вспоминал, что перед зимовкой на Матшаре ему дали хорошие подъемные деньги и полную морскую форму²⁰. В. Васнецов пишет, что в 1924 г. молодым сотрудникам института существенно повысили зарплату — с 20 до 55 руб. в месяц²¹. Однако будет преувеличением утверждать, что в трудные годы восстановления экономики материальное поощрение полярников всегда находилось на высоком уровне. В 1924 г. в своем рапорте Н. Н. Матусевич указывал, что к нему все чаще поступают заявления от персонала, зимующего на радиостанции Маточкин Шар, «о их крайне тяжелом и часто даже бедственном положении в связи с увеличивающейся дороговизной жизни в Петрограде», и предлагал повысить содержание полярников на 100 %²².

Выгрузка самолета У-2 (СССР Н-36) в бухте Тихой 1934 г.
(из архива Национального парка «Русская Арктика»)

К концу 1920-х гг. в связи с восстановлением экономики и ростом внимания государства к Арктике начали происходить значительные изменения в кадровом обеспечении советской научной деятельности в регионе. Они выражались, во-первых, в росте заработной платы в профильных учреждениях, занимавшихся арктическими исследованиями, которая была ощутимо выше, чем в среднем по экономике. Средняя ежемесячная зарплата научных сотрудников II разряда в Институте по изучению Севера в 1925–1926 гг. составляла 82 руб. 50 коп., директора института — 250 руб.²³ При этом средняя заработная плата лиц наемного труда по несельскохозяйственному сектору в 1926–1927 гг. была существенно ниже: 729 руб. ежегодно, или 60,75 руб. в пересчете на 12 месяцев²⁴. В 1931 г. заработная плата директора ВАИ составляла 500 руб. в месяц, научных сотрудников — от 150 до 300 руб.²⁵ Зимовщики на полярной станции на Земле Франца-Иосифа получали от 175 до 400 руб. ежемесячно²⁶. Для сравнения средняя зарплата по всем отраслям народного хозяйства в 1932 г. составляла 1551 руб. ежегодно, или 129,25 руб. ежемесячно²⁷.

Во-вторых, отмечался рост числа персонала в отдельных научных организациях. Если в 1925–1926 гг. в штате Института по изучению Севера находились 14 сотрудников, 5 из которых являлись научными²⁸, то в 1928–1929 гг. — 19 чел. (13 — научный персонал)²⁹, а в 1931 г. — 37 чел. (20 — научные сотрудники)³⁰. Этим сотрудникам все равно было недостаточно для проведения исследований, в связи с чем в летнее время с привлечением в экспедиции персонала других

научных учреждений число сотрудников института увеличивалось до нескольких сотен человек.

Активное государственное участие в делах науки обеспечило наличие базового регулирования условий труда. С 1926 г. между Институтом по изучению Севера и профсоюзами заключались коллективные договоры, в которых большое внимание уделялось оплате и охране труда (выдача спецодежды, предоставление ежегодных отпусков, гигиенические требования и др.). Договорами предусматривались отчисления на культурно-просветительскую работу³¹. Условиями применения труда в гидрографических частях³² регулировались условия труда, в том числе заработная плата, страхование от несчастных случаев, выдача спецодежды для сотрудников Северной гидрографической экспедиции. Во время этой экспедиции для членов профсоюза работников водного транспорта велась культурно-массовая работа: ведущими специалистами экспедиции читались тематические лекции, организовывались литературные вечера и концерты³³. Кроме того, в составе Северной географической экспедиции помимо научного и обслуживающего персонала присутствовал врач³⁴.

В предвоенное десятилетие серьезные изменения претерпел подход к кадровому обеспечению советских арктических исследований. Объединение практически всех научных учреждений в системе Главного управления Северного морского пути (Главсевморпуть, ГУСМП) и существенное расширение географии научных работ обусловили потребность в большом количестве кадров, в том числе исследователей. В 1930-е гг. выросло общее количество сотрудников полярных станций. В 1935 г. персонал всех советских станций состоял из 35 руководящих работников, 160 радиотехников, 140 научных работников, 15 промышленников, 80 чел. обслуживающего персонала (каюры, повара и др.)³⁵.

Кадры зимовщиков полярных станций подбирались по классовому составу, технической подготовленности, состоянию здоровья³⁶ (медицинский отбор отсеивал 10–15 % кандидатов³⁷). Важным элементом системы отбора полярников стало Главное политическое управление ГУСМП. Основная группа политработников, состоящая из примерно 200 чел., была подобрана и направлена в Арктику ЦК ВКП(б). По партийной линии привлекался и руководящий состав для освоения Арктики. В 1932 г. начальником станции в бухте Тихой был назначен И. Д. Папанин, будущий начальник первой дрейфующей станции «Северный полюс» и начальник Главсевморпути.

Более тщательный отбор кадров для полярных станций способствовал повышению качества работы и помог снизить количество инцидентов, связанных с «человеческим фактором». Тем не менее полностью их избежать не удалось. На станции в бухте Тихой во время зимовки 1933–1934 гг. оказалось, что летчик, обслуживающий самолет на станции, не был допущен к полетам с пассажирами и высотным полетам, что привело к серьезным повреждениям самолета³⁸. Еще одним примером некачественного отбора полярников стала зимовка на станции Русская Гавань в 1934–1935 гг., когда из-за профнепригодности радиста станция на полтора месяца оказалась без связи³⁹.

Расширение научных работ в Арктике потребовало большое количество подготовленных кадров. Для решения этой задачи развивалась система специальной

подготовка персонала. Основной формой обучения полярников стали краткосрочные курсы. В 1933–1934 гг. при Всесоюзном арктическом институте были организованы курсы научных работников (метеорологов-наблюдателей, аэрологов и гидрографов). В 1935 г. аналогичные курсы были организованы в Москве⁴⁰. Также кадры для Арктики готовились при Геофизической обсерватории, выпускники которой получали соответствующий аттестат, подтверждающий их квалификацию. За отличную учебу премировали командировкой на лучшие полярные станции⁴¹.

При Ленинградском управлении ГУСМП, а позднее в Архангельске и Москве существовали курсы переквалификации радистов и механиков радиостанций. После передачи Главсевморпути службы погоды при ведомстве были организованы специальные курсы синоптиков⁴². Несмотря на то что во многих источниках отмечается недостаточность этих курсов для полного укомплектования полярных станций и экспедиций, нельзя не признать, что появление системы подготовки кадров стало прорывом по сравнению с 1920-ми гг. Серьезная подготовка научных работников для Арктики велась в аспирантуре ВАИ и включала в себя практическое обучение аспирантов в ходе экспедиций⁴³. Для подготовки гидрографов высшей квалификации в состав ГУСМП включался Гидрографический институт⁴⁴. В 1938 г. в нем обучались 212 чел.⁴⁵

Издавались с учетом практического опыта и достижений науки методические пособия, инструкции и руководства для проведения метеорологических, отдельных видов гидрологических, гидрохимических, ледовых, аэрологических и других наблюдений, а также астрономических и топографических работ⁴⁶.

Полностью покрыть потребность в кадрах для полярных станций новая система подготовки не могла, поэтому обычными для 1930-х гг. стали повторные зимовки. По этой же причине происходило сокращение числа сотрудников станций. Еще одним методом оптимизации штата станций стала подготовка работников сдвоенных профессий: радиотехники-механики, радиотехники-метеорологи, метеорологи-механики, аэрологи-радиозондисты и др.⁴⁷

С середины 1930-х гг. изменения претерпела организация труда на станциях и в экспедициях. Применялось разделение труда: научные работники были освобождены от неквалифицированного труда, активизировалось внедрение новой техники, рационализировался рабочий процесс. Были разработаны опытные нормы по отдельным работам. Картографо-геодезический отдел ВАИ перешел преимущественно на сдельную оплату труда, в гидрологическом отделе на сдельную оплату были переведены три техника-гидролога⁴⁸. На совещании начальников отделов Всесоюзного арктического института 12 февраля 1935 г. отмечалось, что внедрение стахановских методов (нормирование, переход на сдельную оплату труда) повысило эффективность работы и дисциплину сотрудников⁴⁹.

С распространением стахановского движения начали проводиться стахановские пятидневки и декады. В рамках стахановской пятидневки средний процент обработки материала морских экспедиций по гидрологическому отделу составил 165,8 % от ранее принятой нормы. По итогам стахановской декады 7–17 февраля 1936 г. нормы по отдельным видам работ в гидрологическом отделе были увеличены более чем в два раза. Впоследствии стахановские декады были проведены в других отделах ВАИ. В «Бюллетене Арктического института» описываются отдельные

случаи оптимизации рабочего процесса и повышения производительности труда сотрудниками⁵⁰.

Внедрялась практика проведения социалистических соревнований. Группы комсомольцев работали на полярных станциях и в арктических экспедициях. На Новой Земле отдельная комсомольская гидрографическая партия соревновалась с полярниками, работавшими в Русской Гавани⁵¹.

В то же время нельзя не отметить, что имели место отдельные издержки внедрения стахановского движения. Например, «на полярной станции Матшар предполагали так, что, если они проведут те метеонаблюдения, которые обязаны сделать в течение года, за полгода, то это и будет стахановский метод»⁵².

После критики работы Всесоюзного арктического института на совещании хозяйственных работников Главсевморпути в 1936 г. более серьезное внимание стало уделяться дисциплине и контролю за соблюдением сроков. Была введена система приемки выполненных работ⁵³. В целом материалы исследований позволяют говорить о том, что внедрение новых методов организации работы способствовало повышению производительности труда, главным образом через его рационализацию и внедрение новых методик и оборудования.

В 1930-е гг. началась публикация специальных печатных изданий для полярников. Главным из них стал ежемесячный журнал «Советская Арктика», издававшийся с 1935 по 1941 г. В нем размещалась актуальная информация практически обо всех аспектах освоения региона, представляющая интерес и для полярников, и для более широкого круга читателей. Полярным исследованиям был посвящен «Бюллетень Арктического института» (1931–1937), закрытый с нарастанием партийной критики ВАИ. Издательство ГУСМП издавало специализированную литературу для политических работников: «За освоение Арктики», «Пропаганда и агитация в Арктике», «Печатные газеты Арктики» и др.

На регулярной основе стала проводиться просветительская и культурно-массовая работа. В 1936 г. проведен первый всеполярный конкурс стенгазет, в котором участвовали коллективы полярных станций. С 1 декабря 1938 г. начал выходить ежедневный радиобюллетень ГУСМП. В 1940 г. было организовано ежедневное радиовещание для полярников через радиоцентры Политуправления на острове Диксон и мысе Шмидта. Артисты выступали с концертами для зимовщиков и жителей Севера. Например, в 1937 г. концертная бригада Большого театра посетила становища и зимовки Новой Земли⁵⁴. На полярных станциях имелись кинопередвижки, кинокартины, музыкальные инструменты, книги, спортивный инвентарь⁵⁵. Работали различные кружки (математики, механики, политграмоты, музыкальные и др.), научные сотрудники читали лекции, устраивались вечера самодеятельности (музыкальные, танцевальные, театральные), спортивные соревнования.

Важным инструментом привлечения кадров для полярных исследований стало материальное стимулирование. В 1935–1937 гг. ежемесячная заработная плата научного персонала ВАИ составляла 250–400 руб., директора — 1100 руб. в месяц⁵⁶. При этом средняя годовая заработная плата рабочих и служащих по всем отраслям экономики в 1935 г. была значительно ниже и находилась на уровне 2269 руб., или 189,08 руб. в месяц⁵⁷. Тем не менее и. о. начальника ГУСМП Н. Янсон в письме на имя зампреда СНК Чубаря в апреле 1937 г. указывал на

Полярная станция Бухта Тихая, Земля Франца-Иосифа, середина 1930-х гг.
(из архива Национального парка «Русская Арктика»)

недостаточность существовавшего уровня оплаты труда: «При существующей низкой оплате научных работников Арктический институт не в силах закрепить уже имеющихся в Институте квалифицированных специалистов, так как работники ВАИ получают меньше, чем научные работники других научных организаций, так например, минимальная ставка геолога в ЦНИГРИ (в Ленинграде) — 500 рублей, минимальная ставка геологов в ВАИ — 225 рублей, а максимальная ставка научного сотрудника-геолога 375–400 рублей, т. е. ниже минимальной ставки геолога в ЦНИГРИ. В таком же положении находятся и другие специалисты ВАИ».⁵⁸ По всей видимости, этот вопрос был успешно решен, поскольку уровень оплаты труда научных работников ВАИ повысился уже в 1938 г.: заработная плата директора составляла 1500 руб. в месяц, научных сотрудников — 500–900 руб.⁵⁹

На высоком уровне находились заработные платы зимовщиков на станциях в западном секторе Арктики. В 1939 г. они составляли 300–700 руб., к которым делалась надбавка в размере 75–100 % в зависимости от конкретной станции⁶⁰. В 1950-е гг. полярники, работавшие в 1930-е гг., вспоминали: «На полярке у каждого отдельная каюта, хоть размером с носовой платок, не то, что на Большой земле: в лучшем случае комната на семью в вонючем бараке. Да и заработок по тем временам за два года вполне приличный, другое дело как распорядишься».⁶¹ Кроме того, лучшие полярники вместе с благодарностями и наградами получали денежные премии.

В 1930-е гг. прошло законодательное закрепление льгот для лиц, работающих на севере. К работникам ГУСМП за полярным кругом полностью применялось

положение о льготах для лиц, работающих на Крайнем Севере. Их семьи обеспечивались продовольственными пайками в течение всего времени пребывания работника за полярным кругом⁶². В коллективном договоре Арктического института в 1933 г. указывалось, что для сотрудников, отправленных в экспедиции по 1 октября, делалась прибавка к окладу в размере 100 %, для сотрудников, отправленных в зимовочные экспедиции, — 150 %. Все расходы, включая проезд сотрудника и членов его семьи к месту экспедиции, снаряжение, спецодежду, квартирное довольствие оплачивал институт⁶³. Согласно Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 июля 1934 г. все полярники подлежали обязательному страхованию жизни и здоровья за счет Главсевморпути⁶⁴.

1930-е гг. стали эпохой героизации освоения Арктики в общественном сознании. Первыми удостоенными звания Героя Советского Союза, высшей степени отличия СССР, стали летчики, снявшие челюскинцев с льдины в 1934 г. Героями Советского Союза стали и четверо участников экспедиции на дрейфующей станции «Северный полюс — 1» под руководством Д. И. Папанина. К 1 июля 1940 г. в системе ГУСМП было 596 работников, награжденных орденами и медалями, в том числе 22 героя Советского Союза. 623 человека награждены значком «Почетный полярник»⁶⁵.

В 1936 г. вышел первый советский фильм о полярниках «Семеро смелых». Появилась художественная литература, посвященная героическим страницам и будням полярных исследований, научно-популярная литература об арктических островах. Популяризации исследования Арктики способствовало и создание Музея Арктики при ВАИ в 1930 г. Одним из косвенных результатов повышения общественного статуса профессии полярника стало большое количество заявлений от граждан СССР о приеме их в экспедиции Арктического института. Только в 1932 г. было подано более 170 заявлений⁶⁶.

Говоря о кадровой составляющей арктических исследований в СССР, к сожалению, нельзя обойти тему политических репрессий в системе ГУСМП. Ряд известных ученых и организаторов полярных исследований оказались несправедливо осужденными в ходе событий 1930-х гг. В предвоенное десятилетие пострадали многие сотрудники не только Арктического института, но и других научных учреждений, работавших на севере, включая Государственный океанографический институт, Полярный институт научного рыболовства и океанографии. Репрессии затронули как рядовых сотрудников, так и руководство, включая высокопоставленных чиновников⁶⁷. На ослабление потенциала арктических исследований, безусловно, повлияли аресты людей, сделавших огромный вклад в изучение региона.

В начале 1930-х гг. пострадал П. В. Виттенбург, известный полярный исследователь, руководитель геологических экспедиций на Новой Земле. 11 февраля 1931 г. он был осужден по «академическому делу» и приговорен к расстрелу, который был заменен на 10 лет заключения⁶⁸. В 1931 г. П. В. Виттенбург был направлен на о. Вайгач для разведки полезных ископаемых. Впоследствии в районе Амдермы он открыл месторождение флюорита. В 1935 г. был досрочно освобожден по зачету рабочих дней.

Наиболее тяжело сказались на исследователях Арктики 1937 и 1938 гг. Для ГУСМП и смежных организаций ситуация усугублялась тем, что к началу зимы

1937 г. явно обозначился провал прошедшей арктической навигации. Власти однозначно определили причину произошедшего: «Совнарком СССР признает работу Главсевморпути за 1937 год неудовлетворительной... Причинами столь тяжелых ошибок Главсевморпути в навигацию 1937 года, а также причиной ряда других существенных недостатков в работе Главсевморпути являются: плохая организованность в работе Главсевморпути, наличие самоуспокоенности и зазнайства, а также совершенно неудовлетворительная постановка дела подбора работников Главсевморпути, что создало благоприятную обстановку для преступной антисоветской деятельности вредителей в ряде органов ГУ СМП»⁶⁹.

В результате в Гидрографическом управлении ГУСМП были арестованы и осуждены на срок от пяти до восьми лет 12 чел.⁷⁰ 4 марта 1939 г. Военная Коллегия приговорила к расстрелу по обвинению в измене родине, саботаже и участии в контрреволюционной организации Р. Л. Самойловича. На 10 лет за вредительство, антисоветскую агитацию и участие в контрреволюционной организации был осужден М. М. Ермолаев. Заместитель директора ВАИ Н. Н. Урванцев был арестован в 1938 г., в 1940 г. его дело было прекращено, но снова возобновлено в этом же году. Н. Н. Урванцев был осужден на 8 лет, но в 1940–1944 гг. в качестве заключенного он вел геологические работы в Норильске, а в 1945 г. был досрочно освобожден.

Проведенный анализ показывает, что 1920-е — 1940-е гг. стали периодом становления системы кадрового обеспечения отечественных арктических исследований, которые в дореволюционное время не проводились на регулярной основе. Успехи отечественной науки в Арктике в начале 1920-х гг. достигались вопреки отсутствию специальной профессиональной подготовки, плохим условиям зимовок, низкому уровню заработной платы, а также некачественному снабжению полярников питанием и одеждой. В эти годы залогом успеха стала прежде всего работа опытных научных кадров — руководителей научных учреждений (Р. Л. Самойлович, В. Ю. Визе, Н. Н. Матусевич, И. И. Месяцев) и талантливой молодежи, которые, благодаря своему профессионализму и самоотдаче, в сложных условиях заложили основы лидерства СССР в освоении Арктики. Относительно небольшой постоянный штат Севэкспедиции и Плавморнина компенсировался привлечением в экспедиционное время сотрудников других научных организаций.

К концу 1920-х гг. произошло улучшение условий труда советских ученых, работавших в Арктике. В этот период заработная плата полярников ощутимо превосходила средний заработок рабочих и служащих в большинстве других отраслей. Кроме того, между научными учреждениями и профсоюзами заключались коллективные договоры, которые регламентировали систему оплаты и охраны труда, в том числе выдачу спецодежды, предоставление ежегодных отпусков, гигиенические требования к условиям труда.

В 1930-е гг. вместе с созданием Главсевморпути была выстроена системная работа по подготовке кадров. Во-первых, осуществлялся отбор и привлечение полярников по партийной линии. Во-вторых, появились специальные образовательные программы для научных работников. В-третьих, внедрялись новые формы организации труда, в том числе связанные со стахановским движением. В-четвертых, были законодательно закреплены льготы и материальное обеспечение для лиц,

работавших за полярным кругом. Наконец, полярники получили высокий статус в советском обществе: 1930-е гг. стали эпохой героизации освоения Арктики. Все это способствовало формированию новых кадров, будущих руководителей и выдающихся арктических исследователей, таких как И. Д. Папанин, А. Ф. Лактионов, В. Х. Буйницкий, Я. Я. Гаккель, А. Ф. Трешников, М. М. Сомов.

Важно отметить, что главенствующая роль государства в планировании арктических исследований не только обеспечила их положительные результаты, но имела негативные, а иногда и трагические стороны. Ученые вместе с рядовыми полярниками в значительной степени пострадали от политических репрессий 1930-х гг. Одной из самых тяжелых потерь для арктических исследований стал арест по ложным обвинениям и расстрел директора Всесоюзного арктического института Р. Л. Самойловича.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Правительства Архангельской области (конкурс «Молодые ученые Поморья») в рамках научного проекта № 05-2015-02а «Организация советских и норвежских исследований островов Европейской части Арктики в 1905–1940 гг.: опыт сравнительного анализа».

² Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. URL: <http://government.ru/media/files/2RpSA3sctEhAGn4RN9dHrtzk0A3wZm8.pdf> (дата обращения: 03.08.2016).

³ Булатов В. Н. КПСС — организатор освоения Арктики и Северного морского пути (1917–1980). М., 1989.

⁴ Корякин В. С. 1) Отто Шмидт. М., 2011; 2) Рудольф Лазаревич Самойлович, 1881–1939. М., 2007.

⁵ Ермолаев А. М., Дибнер В. Д. Михаил Михайлович Ермолаев — жизнь исследователя и ученого. СПб., 2005.

⁶ Васнецов В. Под звездным флагом «Персея». Воспоминания. Л., 1974. С. 130.

⁷ Там же. С. 57.

⁸ Российский государственный архив военно-морского флота (далее — РГАВМФ). Ф. Р-898. Оп. 1. Д. 46. Л. 5.

⁹ Ермолаев А. М., Дибнер В. Д. Михаил Михайлович Ермолаев... С. 165–166.

¹⁰ Кренкель Э. Т. Раем — мои позывные. М., 1973. С. 41.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 42.

¹³ Ермолаев М. М. Воспоминания. Петрозаводск, 2009. С. 75.

¹⁴ Визе Владимир Юльевич (21.02(05.03).1886–19.02.1954) // Арктическая топонимика. URL: <http://www.gravet.narod.ru/Names/vize.htm> (дата обращения: 17.05.2015).

¹⁵ Папанин И. Д. Лед и пламень. М., 1978. С. 99.

¹⁶ Краткий отчет о деятельности отдельного северного гидрографического отряда за кампанию 1923 года. Постройка радиостанции на Новой Земле. Л., 1924. С. 14.

¹⁷ Работы отрядов Севэкспедиции в 1921 г.: предварительный отчет. Пг., 1922. С. 5.

¹⁸ Новая Земля. Экспедиция 1921–1927 гг. под начальством Р. Л. Самойловича. М., 1929. С. 22.

¹⁹ Васнецов В. Под звездным флагом «Персея»... С. 77.

²⁰ Кренкель Э. Т. Раем — мои позывные. С. 36.

²¹ Васнецов В. Под звездным флагом «Персея»... С. 127.

²² РГАВМФ. Ф. Р-548. Оп. 1. Д. 22. Л. 20.

²³ Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (далее — ЦГАНТД СПб). Ф. 369. Оп. 1-1. Д. 14. Л. 2.

²⁴ Труд в СССР. Справочник 1926–1930 гг. М., 1930. С. 1.

- ²⁵ ЦГАНТД СПб. Ф. 369. Оп. 1-1. Д. 59. Л. 1.
- ²⁶ Там же. Л. 2.
- ²⁷ Труд в СССР. Ежегодник. М., 1934. С. 3.
- ²⁸ ЦГАНТД СПб. Ф. 369. Оп. 1-1. Д. 14. Л. 2.
- ²⁹ Там же. Д. 32. Л. 40.
- ³⁰ Там же. Д. 59. Л. 1.
- ³¹ Там же. Д. 18.
- ³² РГАВМФ. Ф. Р-739. Оп. 1. Д. 16. Л. 75–95.
- ³³ Там же. Л. 124.
- ³⁴ Там же. Л. 142.
- ³⁵ За освоение Арктики. Л., 1935. С. 161.
- ³⁶ *Корякин В. С.* История изучения природной системы Новой Земли: до середины XX века. М., 2000. С. 202.
- ³⁷ *Карбатов В. П.* Полярные станции в 1935 году // Советская Арктика. 1935. № 4. С. 15.
- ³⁸ *Безбородов С. К.* На краю света. М.; Л., 1937. С. 321–400.
- ³⁹ *Любарская Р. М.* Ученье опыт зимовок // Советская Арктика. 1935. № 5. С. 11–12.
- ⁴⁰ *Карбатов В. П.* Полярные станции в 1935 году. С. 10.
- ⁴¹ На подступах к полюсу. Коллективная книга зимовщиков Полярной станции на острове Рудольфа. Л.; М., 1941. С. 35.
- ⁴² *Дзержевский Б. Л.* Служба погоды и ее работа в Арктике // Советская Арктика. 1935. № 1. С. 34.
- ⁴³ ЦГАНТД СПб. Ф. 369. Оп. 1-1. Д. 68. Л. 38.
- ⁴⁴ Постановление СНК СССР от 22 июня 1936 г. «Положение о Главном Управлении Северного Морского Пути при СНК Союза ССР» // СЗ СССР. 1936. № 36. Ст. 317а.
- ⁴⁵ Подготовка кадров // Советская Арктика. 1938. № 2. С. 119.
- ⁴⁶ *Гаккель Я. Я.* За четверть века: обзор деятельности Арктического института Главсевморпути за 25 лет (с 1920 по 1945 год). М.; Л., 1945. С. 76–77.
- ⁴⁷ *Дождииков Н.* О штатах полярных станций // Советская Арктика. 1940. № 7. С. 29.
- ⁴⁸ Бюллетень Арктического института. 1936. № 2. С. 52–54.
- ⁴⁹ ЦГАНТД СПб. Ф. 369. Оп. 1-1. Д. 159. Л. 55–59.
- ⁵⁰ Бюллетень Арктического института. 1936. № 2. С. 54–55.
- ⁵¹ *Булатов В. Н.* КПСС — организатор освоения Арктики и Северного морского пути. С. 67–68.
- ⁵² Совещание хозяйственных работников системы Главсевморпути при СНК СССР 13–15 января 1936 г. Л., 1936. С. 91.
- ⁵³ Бюллетень Арктического института. 1936. № 5. С. 199.
- ⁵⁴ *Верховцева Ф. М.* Большой театр в Арктике // Советская Арктика. 1937. № 12. С. 79–86.
- ⁵⁵ *Булатов В. Н.* КПСС — организатор освоения Арктики и Северного морского пути. С. 70.
- ⁵⁶ ЦГАНТД СПб. Ф. 369. Оп. 1-1. Д. 220. Л. 37–39.
- ⁵⁷ Труд в СССР. Статистический справочник. М., 1936. С. 17.
- ⁵⁸ ЦГАНТД СПб. Ф. 369. Оп. 1-1. Д. 220. Л. 41.
- ⁵⁹ Там же. Д. 255. Л. 3–8.
- ⁶⁰ Там же. Д. 261. Л. 9–21.
- ⁶¹ *Корякин В. С.* Отто Шмидт. С. 8.
- ⁶² Бюллетень Арктического института. 1933. № 9–10. С. 296.
- ⁶³ ЦГАНТД СПб. Ф. 369. Оп. 1-1. Д. 79. Л. 13.
- ⁶⁴ Изучение и освоение Арктической зоны России в XVIII — начале XXI вв.: сб. докладов и материалов / сост. С. И. Боякова, Е. В. Комлева и др. Новосибирск, 2011. С. 224.
- ⁶⁵ *Булатов В. Н.* КПСС — организатор освоения Арктики и Северного морского пути. С. 72.
- ⁶⁶ ЦГАНТД СПб. Ф. 369. Оп. 1-1. Д. 62.
- ⁶⁷ Более подробно см.: «Враги народа» за полярным кругом: сб. статей / под ред. А. Н. Земцова. М., 2007.
- ⁶⁸ Там же. С. 16.

⁶⁹ *Корякин В. С.* Отто Шмидт. С. 333–334.

⁷⁰ «Враги народа» за полярным кругом. С. 26.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Зайков К. С., Сабуров А. А. Советские исследования арктических островов и архипелагов в 1920-е — 1940-е гг.: особенности отбора, подготовки и мотивации персонала // *Новейшая история России*. 2017. № 1 (18). С. 78–93.
УДК 93/94

Аннотация: В настоящей статье на основании комплекса архивных материалов и опубликованных источников проводится анализ развития кадрового обеспечения советских исследований арктических островов и архипелагов в 1920-е — 1940-е гг. В рамках работы исследуются особенности отбора, подготовки и мотивации участников научных экспедиций и персонала полярных станций. Авторы приходят к выводу о том, что 1920-е — 1940-е гг. стали периодом становления системы кадрового обеспечения отечественной научной деятельности в Арктике, которая в дореволюционное время не проводилась на регулярной основе. Начало 1920-х гг. характеризовалось отсутствием специальной профессиональной подготовки, плохими условиями зимовок, низким уровнем заработной платы, а также некачественным снабжением полярников питанием и одеждой. Успехи этого периода были обеспечены главным образом благодаря профессионализму и энтузиазму опытных научных кадров — руководителей научных учреждений (Р. Л. Самойлович, В. Ю. Визе, Н. Н. Матусевич, И. И. Месяцев). В предвоенное десятилетие после создания Главного управления Северного морского пути была сформирована эффективная система кадрового обеспечения советских арктических исследований. Она включала в себя отбор и привлечение полярников, в том числе по партийной линии, создание специальных образовательных программ для научных работников, внедрение новых форм организации труда, льготы и хорошее материальное обеспечение для лиц, работавших за полярным кругом, высокий социальный статус полярников. Вместе с тем негативное влияние на молодую отечественную научную школу оказали политические репрессии 1930-х гг., в которых пострадали талантливые ученые и организаторы науки наряду с рядовыми полярниками.

Ключевые слова: Арктика, исследования, СССР, кадры, наука, экспедиции, полярные станции, Северный морской путь.

Сведения об авторах: *Зайков К. С.* — кандидат исторических наук, директор Арктического центра стратегических исследований Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия); k.zaikov@narfu.ru | *Сабуров А. А.* — аспирант, ведущий эксперт Арктического центра стратегических исследований Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия); alexandersaburov@gmail.com

FOR CITATION

Zaykov K. S., Saburov A. A. Soviet Studies of the Arctic Islands and Archipelagos in 1920–1940: Peculiarities of Personnel Screening, Training and Motivation, *Modern History of Russia*, no. 1, 2017, pp. 78–93.

Abstract: The paper analyzes staffing of the Soviet studies of the Arctic islands and archipelagos in 1920–1940 on the basis of a complex of archival materials and published sources. The peculiarities of personnel screening, training and motivation of scientific expeditions and polar stations are studied. Staffing system, which was formed in 1920–1940 period of the staffing system of the national scientific activities in the Arctic, which had not been carried out on a regular basis before the Russian revolution. The beginning of the 1920s was characterized by the lack of specialized training programs, poor conditions of wintering, low salaries and poor-quality supply of food and clothing for polar scientists. The successes of that period were provided mainly by professionalism and enthusiasm of experienced researchers — heads of the scientific institutions (R. Samoylovich, V. Vize, N. Matushev-

ich, I. Mesyatsev). In the prewar decade after the establishment of the Main Directorate of the Northern Sea Route an effective system of the Soviet Arctic research staffing was created. It included the selection and motivation of polar explorers through the Communist party, development of special educational programs for researchers, introduction of new forms of work organization, benefits and material support for workers beyond the Arctic Circle, high social status of Arctic explorers. However, talented scientists and managers along with other polar explorers suffered in the result of political repressions of the 1930s, which had a negative impact on the development of the Soviet polar scientific school.

Keywords: Arctic, research, USSR, personnel, science, expeditions, polar stations, Northern Sea Route.

Authors: **Zaykov K. S.** — Candidate of History, Director of the Arctic Strategic Studies Centre of the M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia); k.zaikov@narfu.ru | **Saburov A. A.** — Post-graduate Student, Leading expert of the Arctic Strategic Studies Centre of the M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia); alexandersaburov@gmail.com

References:

- Bezborodov S. K. *Na kraju sveta* (Moscow — Leningrad, 1937).
- Bulatov V. N. *KPSS — organizator osvoenija Arktiki i Severnogo morskogo puti (1917–1980)* (Moscow, 1989).
- Dozhdikov N. 'O shtatakh poljarnyh stancij', *Sovetskaja Arktika*, no. 7, 1940.
- Dzerdeevskiy B. L. 'Sluzhba pogody i ee rabota v Arktike', *Sovetskaja Arktika*, no. 1, 1935.
- Ermolaev A. M., Dibner V. D. *Mikhail Mikhailovich Ermolaev — zhizn' issledovatelja i uchenogo* (St. Petersburg, 2005).
- Ermolaev M. M. *Vospominanija* (Petrozavodsk, 2009).
- Gakkel Ya. Ya. *Za chetvert veka: obzor dejatel'nosti Arkticheskogo instituta Glavsevmorputi za 25 let (s 1920 po 1945 god)* (Moscow — Leningrad, 1945).
- Izuchenie i osvoenie Arkticheskoy zony Rossii v XVIII — nachale XXI vv.: sb. dok-tov i mat-lov*, comp. S. I. Bojakova, E. V. Komleva and oth. (Novosibirsk, 2011).
- Karbatov V. P. 'Poljarnye stancii v 1935 godu', *Sovetskaja Arktika*, no. 4, 1935.
- Korjakin V. S. *Istorija izuchenija prirodnoj sistemy Novoj Zemli: do serediny XX veka* (Moscow, 2000).
- Korjakin V. S. *Otto Shmidt* (Moscow, 2011).
- Korjakin V. S. *Rudolf Lazarevich Samojlovich, 1881–1939* (Moscow, 2007).
- Kratkij otchet o dejatel'nosti otdelnogo severnogo gidrograficheskogo otrjada za kampaniju 1923 goda. Postrojka radiostancii na Novoj Zemle* (Leningrad, 1924).
- Krenkel E. T. *Raem — moi pozivnye* (Moscow, 1973).
- Lubarskaja R. M. 'Uchest opyt zimovok', *Sovetskaja Arktika*, no. 5, 1935.
- Na podstupakh k poljusu. Kollektivnaja kniga zimovshnikov Poljarnoj stancii na ostrove Rudolfa* (Leningrad — Moscow, 1941).
- Novaja Zemlja. Jekspedicija 1921–1927 gg. pod nachal'stvom R. L. Samojlovicha* (Moscow, 1929).
- Papanin I. D. *Led i plamen* (Moscow, 1978).
- Raboty otrjadov Sevjekspedicii v 1921 g.: predvaritel'nyj otchet* (Peterburg, 1922).
- Soveshhanie khozjajstvennykh rabotnikov sistemy Glavsevmorputi pri SNK SSSR 13–15 janvarja 1936 g.* (Leningrad, 1936).
- Trud v SSSR. Spravochnik 1926–1930 gg.* (Moscow, 1930).
- Vasnezov V. *Pod zvezdnyim flagom "Perseja". Vospominanija* (Leningrad, 1974).
- Verhovzeva F. M. 'Bolshoj teatr v Arktike', *Sovetskaja Arktika*, no. 12, 1937.
- Vize Vladimir Jul'evich (21.02(05.03).1886–19.02.1954). *Arkticheskaja toponimika*. URL: <http://www.gpavet.narod.ru/Names/vize.htm> (accessed: 17.05.2015).
- "Vragi naroda" za poljarnym krugom: sb. Statej*, ed. A. N. Zemtsov (Moscow, 2007).
- Za osvoenie Arktiki* (Leningrad, 1935).